Т. Г. Мазур¹

**ХАНЬ ЮЙ И БУДДИЗМ
(К ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ
СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕЛИГИИ В ОБЩЕСТВЕ)**

Работа посвящена проблеме распространения буддизма в китайском обществе эпохи Тан (618–907), вошедшей в историю как «золотой» век китайского буддизма. Предмет исследования – влияние буддийской религии на личность мыслителя, поэта, публициста, чиновника Хань Юя (768–824), известного своей критикой буддизма. В работе использованы методы философского и социологического анализа, биографический метод. Проанализированы литературные произведения и биография Хань Юя с точки зрения таких составляющих религиозности, как характер религиозного сознания, характер религиозного поведения и включенность индивида в религиозные отношения. Показано, что Хань Юй, оставаясь ярким приверженцем конфуцианства, хорошо знал основы буддизма, традиции и обычаи этой религии, посещал буддийские храмы, совершал подношения буддийским божествам, вступал в религиозные (некультовые) отношения с буддийскими монахами. Делается вывод о том, что в эпоху Тан даже личности противников буддизма не были свободны от влияния этого вероучения, а значит, на индивидуальном уровне существования религии в обществе буддизм в эпоху Тан был представлен достаточно широко.

Ключевые слова: буддизм, конфуцианство, эпоха Тан, религиозность, личность, Хань Юй.

T. G. Mazur

**HAN YÜ AND BUDDHISM
(TO THE QUESTION ABOUT THE INDIVIDUAL LEVEL
OF THE EXISTENCE OF RELIGION IN SOCIETY)**

The work is devoted to the problem of the spread of Buddhism in the Chinese society of Tang epoch (618–907), known in history as “the golden age” of Chinese Buddhism. The subject of the research is the influence of Buddhist religion on the personality of Han Yü (768–824), the thinker, poet, publicist and official, known for his critique of Buddhism. In the work the methods of philosophical and sociological analysis, biographic method are used. Analysis of literary works and biography of Han Yü from the point of view of such components of religiosity, as the nature of the religious consciousness, the nature of religious behaviour and involve-

¹ Мазур Татьяна Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук», г. Улан-Удэ, Россия. E-mail: mtbi@yandex.ru.

ment of individual in religious relationships is made. It is shown, that Han Yü despite being an adept of Confucianism knew the basics of Buddhism, the traditions and customs of this religion, visited Buddhist temples, made offerings to the Buddhist deities, joined the religious relations with Buddhist monks. It is concluded, that in Tang epoch even the personalities of the opponents of Buddhism were not free from the influence of this creed, so, at the individual level of the existence of religion in society, Buddhism in the Tang epoch was represented quite widely.

Keywords: buddhism, confucianism, the Tang epoch, religiosity, personality, Han Yü.

Эпоха Тан (618–907) – важнейшая веха в истории буддизма в Китае, именуемая «золотым» веком китайского буддизма. Подобная оценка танской эпохи в китаеведческой науке делает актуальным вопрос о фактическом распространении буддийской религии в танском обществе, что, в свою очередь, предполагает анализ присутствия буддизма в танскую эпоху на всех уровнях существования религии в обществе: на социальном, групповом, индивидуальном.

Анализ индивидуального уровня существования религии – это изучение вопроса о религиозности отдельной личности. Под религиозностью понимается воздействие религии на сознание и поведение как отдельных индивидов, так и социальных групп [Угринович 1973: 103], духовное, культурное и социальное состояние человека, вытекающее из принятия им той или иной доминанты религиозного сознания и поведения [Лебедев 2005: 158].

Для выявления степени влияния религии на личность человека в отечественной социологической науке были разработаны следующие критерии религиозности: 1) характер религиозного сознания; 2) характер религиозного поведения; 3) включенность индивида в религиозные отношения [Угринович 1973: 109; Яблоков 1978: 120–123]. Применение названных критериев в отношении отдельных представителей танской эпохи позволит глубже понять, как существовал буддизм в рассматриваемую эпоху на индивидуальном уровне.

Применение социологического подхода к изучению религиозности исторических личностей вызывает определенные трудности, связанные с невозможностью применения традиционных для социологии способов сбора данных (опрос и т. п.). Сбор необходимых данных, позволяющих пролить свет на религиозность той или иной исторической личности, может быть осуществлен методом анализа ее биографии и литературного наследия.

В свете сказанного большой интерес представляет личность Хань Юя (768–824), мыслителя, литературного деятеля, чиновника-конфуцианца эпохи Тан, вошедшего в историю своей непримиримой критикой буддизма. Во-первых, Хань Юй оставил после себя огромный массив литературного наследия, в том числе публицистического характера, отразив на страницах произведений свое отношение к реалиям современного ему общества. Его биография детально изучена китайскими исследователями и пригодна для анализа. Во-вторых, исходя из метода типичных представителей в социологии, Хань Юй по ряду признаков (происхождение, уровень образования, род деятельности) может быть отнесен к числу типичных представителей одной из основных социальных групп традици-

онного китайского общества, являвшейся по сути главным субъектом духовной культуры Китая, – служилого сословия (чиновничества). В-третьих, вследствие своей критики буддизма Хань Юй вызывает интерес как представитель категории «неверующих» (в отношении буддизма), позицию которых также необходимо учесть для восстановления более полной картины присутствия буддизма в танском обществе.

Безусловно, доминирующей составляющей в сознании Хань Юя, как типичного представителя служилого сословия, являлась конфуцианская идеология, включая ее религиозный аспект. Чтобы выявить, оказывал ли буддизм влияние на сознание и поведение Хань Юя, необходимо проанализировать продукты духовной деятельности и факты биографии этого мыслителя исходя из выдвинутых выше критериев религиозности.

Критерий религиозности, характеризующий религиозное сознание, расчленяется на три показателя религиозности: 1) содержание религиозной веры (те религиозные представления и догматы, в которые верит индивид); 2) интенсивность религиозной веры (насколько глубоко он убежден в истинности религиозных догматов и представлений, испытывает ли он сомнения в их истинности или слепо верит во все); 3) степень информированности индивида о вероучении (степень его знакомства с вероучением) [Угринович 1973: 110–111].

Говоря о содержании религиозной веры, надо отметить, что Хань Юй в своих работах не заявляет напрямую о том, верит ли он в те или иные положения буддизма или нет. Зато он открыто негативно высказывается о личности Будды и даже выражает непочтение к нему: «Да и кто такой этот Будда? Всего-навсего варвар, чей язык не похож на китайский, чьи одежды скроены не как должно» [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 33]. Священные буддийские реликвии и связанные с ними религиозные обряды Хань Юй воспринимает критически, не проявляя по отношению к ним слепой веры. Об этом свидетельствует, например, его реакция на распоряжение императора доставить во дворец буддийскую реликвию – кусочек кости якобы самого Будды. В своей записке императору «О кости Будды» (Лунь фогу бяо) Хань Юй пишет: «Но все это – не более как театральное действие, потеха, и только. Разве Вы, столь просвещенный и мудрый, можете верить подобным вещам?... Так можно ли ныне, когда тело его (Будды. – Т. М.) в прах превратилось, позволить внести во дворец полуистлевшую кость, это злое свидетельство распада?... Нижайше прошу вас отдать эту кость кому следует, дабы бросили ее в огонь или воду и разом вырвали бы зло с корнем» [Там же: 32–34].

Непочтительно отзываясь о Будде и буддийских реликвиях, Хань Юй ярко демонстрирует на страницах своих произведений веру в божественную силу Неба, из чего можно сделать вывод, что именно этот конфуцианский догмат составляет основу его религиозного сознания. Хань Юй в своих работах регулярно обращается к Небу. Так, говоря о собственном предназначении, он пишет: «Вероятно, Небо, породив меня, возлагает надежды на землю» [Хань Юй ши вэнь и ши 1985: 11]. Вера в Небо и в свое предназначение побуждает его утверждать, что «правильный Путь» в Поднебесной нарушен и выступать за восстановление

этого пути: «Путь Чжоу пал. Конфуция не стало. Огонь [заполыхал] при Цинь. При Хань [почтили] Хуан-[ди] и Лао. При Цзинь [и] Вэй, при Лян [и] Суй [почтенья удостоен] Будда. [И] те, что рассуждали о пути, о добродетели, гуманности и долге, когда не шли к Ян [Чжу], то шли [они] к Мо [Ди], когда не к Лао – направлялись к Будде. [Но] обязательно, которые шли к ним, от нас [тем самым] уходили» [Гусаров 1972: 204]. О том, насколько глубоко Хань Юй верит в силу Неба и свое предназначение, говорит тот факт, что он готов пожертвовать собственной жизнью ради выполнения своей миссии – восстановления «правильного Пути»: «Да если даже я увижу, что мне, ничтожному, грозит опасность, но буду знать, что смерть моя способна все спасти, я смерть безропотно приму. Пусть она положит начало исцелению Пути. Коль суждена мне гибель, я погибну без сожалений» [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 120].

Однако, позиционируя себя как «неверующего» в буддизм, Хань Юй в то же время демонстрирует достаточно глубокую информированность об этом вероучении. Подобный вывод позволяет сделать ряд его высказываний. Так, в той же работе «О кости Будды», Хань Юй отмечает: «Уста его (Будды. – Т. М.) не изрекали ничего согласного с древними установлениями наших прежних владык. ... Ему не были ведомы отношения государя и подданного, отца и сына» [Там же: 33]. Чтобы делать подобные суждения и сравнения, необходимо знать, чему учил Будда, знать основы буддизма как религии. Также факты биографии Хань Юя свидетельствуют о том, что он неоднократно вступал в беседы с буддийскими монахами по поводу различных аспектов буддийского вероучения [Hartman 1986: 95–99].

Хань Юй демонстрирует хорошее знание истории проникновения буддизма в Китай: «Буддизм – это учение варваров. Оно распространилось в Срединной империи во время правления поздниханьской династии. В древности о нем никто не слыхал. ... Лишь в правление ханьского Мин-ди дошло до нас учение Будды. ... Сун, Ци, Лян, Чэнь, ранняя Вэй, а также те, кто сменил их, все усерднее Будде служили... Гао-цзу, унаследовав буддизм от суйского дома, вознамерился поначалу искоренить его» [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 30–31].

Анализ произведений Хань Юя позволяет сделать вывод, что он имел представление о традициях и обычаях в буддизме. Например, Хань Юй знал такую не практикующуюся широко в наши дни традицию махаяны, как ритуальное самопожертвование плоти и жизни, свидетельствующее об иллюзорности Я. Известно, что эта традиция восходит к доктринальным текстам начала нашей эры и включает в себя такие ритуальные практики, как сжигание на теле благовоний, сжигание пальцев, отсечение плоти. Некоторые из названных практик, например сжигание на теле благовоний, когда на голове практикующего размещается небольшой конус из полыни, который поджигается и прогорает до кожи головы, пока он читает мантры, существуют и сегодня в некоторых монастырях Китая и Кореи. Так, в том же трактате «О кости Будды» Хань Юй пишет: «И станут себе прижигать макушки, обжигать пальцы рук... Непременно найдутся те, которые руки себе отсекут, будут изнурять свое тело – все Будде в угоду» [Хань Юй, Лю Цзунъюань 1979: 32–33].

Таким образом, хотя основу религиозной веры Хань Юя составляли конфуцианские представления и догматы, в истинности которых он был убежден наиболее глубоко, можно констатировать тот факт, что Хань Юй был хорошо знаком с буддизмом.

Что касается следующего критерия религиозности – признаков поведения, то религиозное поведение индивида фиксируется через его культовые (участие в религиозных обрядах, уединенная молитва и т. д.) и некультовые (различные формы участия в деятельности религиозных организаций, пропаганда религии, чтение религиозной литературы и т. п.) действия [Угринович 1973: 111–112]. Известно, что ритуал и религиозная обрядность играли большую роль в повседневной жизни чиновника-конфуцианца в традиционном Китае, так как в силу отсутствия в конфуцианстве специальных жрецов каждый чиновник был обязан сам выполнять обрядово-ритуальные функции, совершать моления и жертвоприношения во вверенном ему административном регионе и даже подвергался строгому наказанию в случае их нерадивого выполнения [Кожин 2007: 191–192]. Все это касалось и Хань Юя, служившего за свою чиновничью карьеру на различных должностях.

Религиозное поведение верующего в буддизме включает в себя следующие культовые действия: посещение храмов, медитацию, преклонение, подношение и чтение молитв. Произведения Хань Юя свидетельствуют о том, что из перечисленного выше он имел опыт выполнения таких ритуальных действий, как посещение буддийских храмов и подношение буддийским божествам. Об одном из таких посещений Хань Юй пишет в своем стихотворении «Посетив храмы Хэньюэ и переночевав в храме на вершине горы, оставляю надпись на надрывном павильоне»:

И вдруг душа взволновалась,
я спешил поклониться,
Меж сосен и кипарисов
спешу во дворец чудесный. ...
Всхожу, в поклоне сгибаясь,
вручаю вино и мясо, –
Пусть эти дары ничтожны,
но искренность несомненна! [1987: 272].

Известно, что гора Хэньюэ (Хэншань) традиционно считалась одной из пяти священных гор Китая и почиталась как даосами, так и буддистами, причем и те, и другие воздвигали здесь свои храмы и монастыри. В своем стихотворении Хань Юй прямо указывает на то, что посещал именно буддийский храм: «Ночую в буддийском храме...» [Там же: 273].

На выполнение Хань Юем обряда подношения пищи может указывать в стихотворении его фраза «вручаю вино и мясо». Следующая за ней фраза «пусть эти дары ничтожны, но искренность несомненна!» может свидетельствовать о том, что Хань Юй знал, что, согласно представлениям буддистов, для того чтобы их подношение было приобщено к благим заслугам, данный обряд необходимо со-

вершать с чистыми мыслями и благими намерениями, и старался следовать этому.

Приведенный выше пример показывает, что религиозное поведение Хань Юя также не ограничивалось только его участием в конфуцианских культовых действиях, но и могло включать в себя буддийские ритуальные действия.

К третьему критерию религиозности – признакам включенности в религиозные отношения – относятся все зафиксированные культовые (на уровне служитель культа – рядовой участник, проповедник – слушатель и т. д.) и некультовые религиозные отношения, в которые вступает индивид [Яблоков 1978: 120–123]. Как чиновник-конфуцианец Хань Юй в своих повседневных практиках постоянно вступал в культовые и некультовые отношения с представителями конфуцианства. Культовых религиозных отношений с представителями буддийской религии в биографии Хань Юя не зафиксировано, однако его литературные произведения и факты биографии свидетельствуют о его межличностных контактах с буддийскими монахами, что может быть отнесено к некультовым религиозным отношениям. Например, в стихотворении «Камни горы» Хань Юй пишет:

Монах мне сказал: на стенах
буддийские росписи есть.
Принес огня посветить мне, –
отменное мастерство!
Циновку встряхнул для ложа,
похлебкою угостил [1987: 269].

Факт общения Хань Юя с буддийскими монахами зафиксирован и в упомянутом выше стихотворении «Посетив храмы Хэньюэ...»:

Старик премудрый во храме
желания духов знает,
Бесхитростен он и весел,
любезен к духам и гостю [Там же: 273].

Исследователи жизни и творчества Хань Юя обращают особое внимание на такой факт его биографии, как период интенсивного общения с буддийским монахом Да-дянем, который в конце VIII в. считался одним из наиболее влиятельных патриархов школы чань. В феврале 819 г., когда после подачи императору записки «О кости Будды» Хань Юй оказался в ссылке в г. Чаочжоу на самом юге Китая, произошло его знакомство с Да-дянем. К моменту ссылки Хань Юя монах жил на горе Лин, недалеко от Чаочжоу, и в литературном наследии Хань Юя имеются три письма, адресованных Да-дяню, в которых он трижды приглашает буддийского монаха посетить его [Hartman 1986: 94]. Сам Хань Юй описывает свои взаимоотношения с Да-дянем в письме к Мэн Цзяню, написанном в следующем 820 г., в котором дает высокую оценку личности монаха: «Когда я находился в Чаочжоу, там жил старый монах, который был разумен и понимал Дао. Так как в окрестностях более не было никого, с кем можно было бы вести беседу, я приглашал его спуститься с гор в город. Он гостил у меня неделю или около

того. Он действительно был способен покидать свое физическое тело и побеждать свои желания посредством духа, так что материальный мир не довлел над ним и не волновал его ... Когда я ходил на побережье делать жертвоприношение духам, я посетил его сторожку. И когда я отправился в Юаньчжоу, я оставил ему в качестве прощального подарка кое-что из одежды» [Hartman 1986: 94–95].

Таким образом, анализ литературных произведений и биографии Хань Юя показывает, что в танскую эпоху даже личности противников буддизма («неверующих») не были свободны от влияния этого вероучения. Хань Юй хорошо знал основы буддийской религии, историю ее проникновения в Китай, а также традиции и обычаи буддизма. Когда это не затрагивало его профессиональных обязанностей по управлению государством, он мог выполнять некоторые религиозные действия, такие как посещение буддийских храмов и подношение буддийским божествам, а также вступать в религиозные (некультовые) отношения с буддийскими монахами. Сказанное выше подтверждает тот факт, что на индивидуальном уровне существования религии в обществе буддизм в эпоху Тан был представлен достаточно широко.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии», номер госрегистрации АААА-А17-117021310263-7).

Литература

Гусаров В. Ф. Некоторые положения теории пути Хань Юя // Письменные памятники Востока. 1972. – М.: Наука, 1977. – С. 197–203.

Кожин П. М. Конфуцианство и государственные культы // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2. Мифология. Религия. – М.: Восточная литература, 2007. – С. 190–195.

Лебедев С. Д. Религиозность: в поисках «Рубикона» // Социологический журнал. – 2005. – № 3. – С. 153–168.

Угринович Д. М. Введение в теоретическое религиоведение. – М.: Мысль, 1973. – 239 с.

Хань Юй, Лю Цзунъюань. Избранное / пер. И. Соколовой. – М.: Художественная литература, 1979. – 230 с.

Хань Юй. Камни горы // Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.) / пер. с кит.; ред. кол. Л. Делюсин, Т. Редько, В. Сорокин и др. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 269–270.

Хань Юй. Посетив храмы Хэньюэ и переночевав в храме на вершине горы, оставляю надпись на надвратном павильоне // Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.) / пер. с кит.; ред. кол. Л. Делюсин, Т. Редько, В. Сорокин и др. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 272–273.

Хань Юй ши вэнь и ши (Стихи и проза Хань Юя с переводом и комментариями) / Цзоу Цзиньсянь (сост.). – Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1985. – 313 с.

Яблоков И. Н. Социология религии. – М.: Мысль, 1978. – 184 с.

Hartman Ch. Han Yü and the T'ang Search for Unity. – Princeton: Princeton University Press, 1986. – 460 p.